

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Дается анализ некоторых культурных универсалий регионального (уральского) менталитета, таких как пространственно-временная структура (уральский хронотоп как пространство «машинной рациональности»), представление о мироздании (мифологическое и номадическое восприятие) и «уральский» характер как сущностное ядро регионального менталитета

Теории о возникновении на окраинах страны своеобразных региональных этнокультурных групп великорусского народа в результате обособления, смешения переселенцев с местными народами в ходе русской колонизации XI–XVIII веков были выдвинуты еще в XIX веке, в частности, сибирскими исследователями Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и др. Историк А. П. Щапов предложил свою теорию возникновения к востоку от Урала «европейско-сибирского великорусского инородческого типа», отличавшегося, по его мнению, от прочего населения империи своекорыстием, «холодно-рассудочной расчетливостью», изворотливостью и грубостью нравов¹. В современной литературе нет единого взгляда на эту проблему, сохраняется элемент дискуссионности. Так, например, историк Н. А. Миненко утверждает, что «нет оснований говорить о формировании региональной историко-культурной общности русских» на Урале². Подобную точку зрения разделяет и В. С. Цукерман. На вопрос «Существует ли какой-то особый областной менталитет?» он отвечает: «Есть, вероятно, нечто общее в уральцах вообще, в традициях горнозаводских рабочих, казачества, татаро-башкирского населения, однако, учитывая большой процент приезжих, вряд ли население региона сцементировалось в некую относительно единую культурно-психологическую общность»³.

Другие исследователи, в частности этнограф Н. Г. Чагин, полагают, что на Урале в русской среде «шли консолидационные процессы, завершившиеся образованием компактной и зрелой в этническом отношении группы населения»⁴.

При культурологическом подходе к анализу этого вопроса становится очевидным, что появление особого типа личности, детерминированного особенностями природно-ландшафтного, историко-

социального, производственно-хозяйственного, социокультурного развития конкретной территории, является одним из определяющих условий и результатов формирования региональной культуры. При этом региональный тип имеет как антропологические изменения (А. И. Лазарев говорил о формировании «полуазиатской-полуевропейской» внешности уральца, по преимуществу русого, «но с темными глазами и приподнятыми скулами»⁵), так и изменения внутренних качеств личности — формируется особый, локальный менталитет. В этом смысле существует определенный типологический ряд, где самоощущение человека передается через его принадлежность к определенной территориальной целостности: москвич, петербуржец, помор, донской казак, уралец, сибиряк, северянин и т. д.

Многовековой процесс формирования субэтнотипов на территории Южного Урала сопровождался образованием локального менталитета уральца. Культура в этом процессе выступала в качестве специфического адаптивного механизма. Адаптация в новых условиях ландшафтного, климатического, экономического, социального бытия потребовала выработки у «засельщиков» Уральского региона новых приспособительных стереотипов, новой системы ценностей, соответствующего мышления и, конечно, заставила осознать себя как новое сообщество в рамках российского суперэтнотипа. На определенном историческом этапе жители-переселенцы пришли к ощущению общности, объединенные не только территорией, принципами хозяйствования, но и единством судьбы и характера. На наш взгляд, формирование локального «уральского менталитета» у «засельщиков» Южного Урала можно рассматривать как проявление принципа эмерджентности (возникновение нового качества у синтеза элементов, каждый из которых подобного не имел).

Менталитет (от лат. «ум, мышление, образ мыслей, душевный склад») трактуется исследователями как общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества. Менталитет характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания и в этом смысле представляет собой специфический тип мышления⁶.

Структура менталитета, согласно современным изысканиям, имеет сложную конструкцию и может включать в себя: понимание времени и пространства; образ природы и способ воздействия на нее; представления о мироздании, в том числе об имманентном и трансцендентном мирах; представления о самом человеке; набор фундаментальных ценностей;

культурную идентификацию; особый ментальный тип и особый, национальный, характер. В структуру менталитета входят религиозный опыт, идеология, элементы мифологического, обыденного и научного сознания, пласты коллективного бессознательного и т. д., одним словом, особенности мировоззрения, мировосприятия, мироосвоения и мироощущения⁷.

Современной наукой в число актуальных концептов культурологии вводятся категории регионального менталитета и региональной ментальности⁸. Необходимость этого диктуется возможностью преодоления многих противоречий, возникающих при характеристике этноисторического процесса самоидентификации региона, в котором целостны и неотделимы все планы духовно-символического бытия человека, преломляемые в реальном пространстве региональной культуры. Специалистами отмечается функциональность и универсальность регионального менталитета. Именно региональный менталитет является общим фундаментом социокультурных процессов на локальном уровне⁹.

На территории Уральского региона мы имеем дело с межкультурным диалогом в ценностно-смысловом пространстве культуры. Здесь смешались ментальности народонаселения исламской Волжской Булгарии и Золотой Орды, языческих народов Севера, православных «великорусов», старообрядцев, «малороссов», а также немецких и польских протестантов и католиков, «безбожников» — беглых и т. д. Доминанты региональной ментальности «прорастают» через вековые пласты истории и культурных трансформаций и сохраняют свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры региона.

Системное изучение структуры регионального сознания еще ждет своих исследователей. Рассмотрим лишь некоторые культурные универсалии регионального менталитета: восприятие пространства-времени, представление о мироздании и «уральский» характер.

Для «социального тела» России, согласно концепции А. В. Захарова, характерны три относительно независимых друг от друга хронотопа, пространственно-временные структуры: мифологическое восприятие пространства, номадическое движение в пространстве-времени («разбегающаяся Вселенная») и пространство машинной рациональности¹⁰. Рассмотрим эти три пространственно-временные структуры применительно к жителям Урала.

Мифологическое восприятие пространства идет от традиций земледельческой культуры и сохраняется как хронотоп несмотря на все социальные потрясения, поскольку земля выступает как основа

воспроизводства социальной жизни и постоянно сохраняются привязанность к ней, ценности, связанные с крестьянским трудом. Для мифологической концепции мира характерно циклическое восприятие движения, отношение ко времени как вечному возвращению; а к пространству — как к состоящему из концентрических кругов с сакральным центром. Подобное восприятие пространства-времени не миновало и «уральцев».

Центром магического пространства на Урале была Гора¹¹. Мировая Гора как ось мироздания определяла стабильность пространства. Уничтожение ее вело к уничтожению жизни, Космоса и утверждению Хаоса. *Гора* была источником жизни, защитницей от действия враждебных сил и местом пребывания божественных покровителей. Сакральный образ *Горы* займет центральное место в художественном творчестве уральцев. Например, оригинальные песни, возникшие именно на Урале («На горе, горе сырой бор горит», «Уж вы, горы, да горы круты, рассыпайтесь на пески») не встречаются в других местах бытования песенной лирики. Концентрическое восприятие пространства с сакральным центром — Горой, сохранилось в мировоззрении уральцев вплоть до XX века. Главной характеристикой региона является опора, т. е. центральное положение в жизни страны. С петровских времен Урал воспринимается как «Рудник Государства Российского», а в советскую эпоху — «опорный край державы».

Если в природно-географической системе координат «Гора» была вертикальной осью культурного мира народов, заселивших этот благословенный край, то ее горизонталью были «Река» и «Степь». Уральские реки определяли направление миграционных потоков в крае. Они становятся артериями, по которым двигались с запада на восток и с севера на юг колонизаторы. *Река* — это путь, это связь с «миром». *Земля* в сознании местного населения воспринималась не иначе как «мать сыра земля», как «водоземля». Уральские поселения, согласно общей традиции, появлялись рядом с водой, рекой, озером. Их пространственная организация объяснялась тем, что горнорудное и металлургическое производство было невысказано без огромных запасов воды. Даже слово «завод» обозначало строение «за водой».

Для беглых крестьян и переселенцев «малороссов» и «великороссов», главным занятием которых было земледелие, «широкая и раздольная *степь* означала неисчерпаемый источник земельных наделов, за владение которыми они вели борьбу с кочевыми народами не одну сотню лет. *Степь*, преобразованная из «пустопорожней» земли в «пахотную», стала одной из основных ценностей уральского крестьянства, «святость

пахотной земли» определила «трудовой» характер складывающейся региональной ментальности, стала устойчивой доминантой регионального сознания.

Кроме того, семантическое восприятие Урала как некоего «фронттира» между Западом и Востоком, Россией и Дикой степью, за которой начинается неизвестное, опасное, враждебное, заложило в формирующейся ментальности «уральца» так называемое «оборонное» сознание, а складывающуюся поселенческую структуру (в первую очередь на Южном Урале) определило как военнизированную — крепости, остроги. Некоторая скрытость, настороженность уральского характера была закреплена в новейшей истории края созданием здесь «атомного щита» страны: большого числа городов-«почтовых ящиков», засекреченных территорий, подземных заводов.

Номадическое восприятие пространства-времени — это некоторые неизжитые и вновь приобретенные элементы кочевого социального уклада, наложившие отпечаток на ход как общероссийской, так и региональной истории. Россия как государство непрерывно расширялась (прирастая, в том числе «могуществом Сибири и Ледовитого океана»), куда-то стремилась, доставляя беспокойство соседним народам. Казаки и переселенцы, беглые, каторжники, предприниматели типа Семена Дежнева и подневольные военные люди — все они создали своеобразную традицию «перекати-поле», которая романтизировалась обывателем, поскольку сам он не мог сорваться с места. Но все-таки базовым типом организации при этом оставалась оседлость: крепостное право, режим паспортизации и прочие законы в разные исторические эпохи жестко привязывали человека к месту.

Урал, в особенности его южная часть, где горные отроги переходили в равнину и были удобны для перехода, являлся «воротами» из Европы в Азию и наоборот. В древние времена и средневековье по данной территории пролегали пути кочующих народов. Через южноуральские степи проходил Великий шелковый путь. В индустриальную эпоху здесь пролегла ветка Восточно-Сибирской железнодорожной магистрали, объединившая страну в единое индустриально-сырьевое пространство. Раздолье степи способствовало укорененности в уральском хронотопе кочевого образа жизни, определило доминирование в культуре региона архетипа Космоса кочевника — Коня (Верблюда), атрибута пространства, бытия и исходного состояния мира. Бескрайность степи потребовала жесткой организации пограничных рубежей региона, формирования определенной этносословной категории местного населения — казачества. Создание Оренбургского казачьего войска было самым

поздним в военной истории России, происходило на ином историческом фоне, чем создание Донского или Уральского казачьего войска, что отразилось в формирующихся культурных традициях края. Но если в XVII–XIX веках в контексте колонизирующейся России люди в горнозаводских поселках и военных поселениях были объединены землей и трудом, то XX век приносит новый вариант кочевья — вынужденный, диктуемый «политическим моментом». Сюда, на «край земли», выселяются репрессированные и ссыльнопереселенцы (1930–1950-е гг.); эвакуированные с юга и из центра страны в 1940-е годы; призванные на ударные стройки пятилеток (1920–1950-е гг.); осваивавшие целину (1950-е гг.); беженцы с национальных окраин бывшего СССР (1980–1990-е гг.)... Эти процессы шли параллельно с другими: в частности, с мощной урбанизацией, определившей появление «нового кочевника», по образному выражению О. Шпенглера, «жителя большого города». Урал с его мощными социалистическими стройками мирового масштаба периода индустриализации 1920–1930-х годов (Челябинский тракторный завод, Магнитогорский металлургический комбинат, Туркестано-Сибирская магистраль и т. д.), послевоенным восстановлением и созданием комплекса закрытых городов (ядерных центров и т. д.) не просто был включен в процесс создания городской цивилизации, а лидировал в нем. Он стал «всесоюзной лабораторией», ему в первую очередь была поставлена «прививка социализма». Сгоняемые в большие города массы людей объединялись не трудом и землей, а государством и идеологией.

И, наконец, третий хронотоп — это пространство-время «*машинной рациональности*». Для него характерна наукообразная картина мира и акцент на ценностях Просвещения. Исторически данный хронотоп сформировался в России позднее двух названных, в основном благодаря реформам Петра I. В XX веке в эпоху модернизации социальное пространство России структурируется на основе и в ходе уже упоминавшейся индустриализации. В силу этого, если и были элементы геополитического восприятия регионами друг друга и со стороны центра, то их маркировка проходила теперь по специфике производства и стратегических приоритетов. Урал становится краем тяжмаша и средмаша, краем «оборонок» и «атомным щитом». Уважение к научной картине мира, вера в возможности технического разума по-прежнему находят здесь благодатную почву. Носителями ценностей прогресса науки и техники были и являются поныне техническая интеллигенция и высококвалифицированные рабочие. Индустрия и сложившаяся на ее основе региональность, представляя собой существенные элементы российского социального пространства, нашли на Урале свое наиболее

характерное крайнее выражение¹². «Натиск... техницистских идей, оккупация ими в условиях ускоренной индустриализации (на Урале — двойной, довоенной и, особенно, во время войны) обострил конфликт города и деревни, центра и провинции... Регионализм как тип мышления был уничтожен партийно-идеологической элитой... Традиционные уклады, сложившиеся на Урале в предвоенное время, монтажно-протезируемым способом присоединялись к индустриальным фрагментациям», — отмечают А. А. Сняцкий и А. И. Лучанкин¹³. Авторы говорят о доминировании «станочно-заводской» ментальности уральского населения, «машинообразности» его мышления: Урал воспринимался как «педаль» — интенсификатор, от которого зависит движение всей машины и ее центрального мотора, когда «водитель-государство через опосредствующие звенья директората и партийной номенклатуры жмет на педаль маргиналитета»¹⁴. Педаль, по мнению исследователей, — это симптоматичная фигура мысли, выражавшая «чувство политического» уральцев.

В советскую эпоху поведенческие и психологические стереотипы уральцев отражали как типичные черты человека «страны развитого социализма», так и особенные. К типичным относились — ощущение причастности к общему и исключительно важному делу; стремление как можно быстрее и качественно выполнить поставленные задачи; фанатичная самоотверженность и психологическая предрасположенность к рискованным действиям; установка на решение производственных задач «любой ценой» (готовность к ненормированному рабочему дню, сверхурочным работам и т. д.); чувство гордости за оказанное доверие; особые представления о социальной стратификации и своем значимом месте, в ней занимаемом. По-прежнему ощутимо было присутствие в коллективном сознании таких черт, как оборонное сознание и милитаристские настроения. Трудовая активность уральцев стимулировалась жесткими условиями дисциплины и, зачастую, режимными ограничениями. Цели, поставленные государством, воспринимались южноуральцами как «общие» и вместе с тем — как «свои».

В результате неослабеваемой работы местной пропаганды, стабильно сохраняющейся направленности производственной деятельности, консервации жизненных стандартов у большинства жителей Урала зачастую формировались особые качества, такие как когнитивная и мотивационная ригидность — определенная оцепенелость и неподатливость¹⁵. Так, например, она проявилась в трудностях восприятия событий перестройки конца 1980 — начала 1990-х годов, в

обстоятельствах, требующих гибкости и изменения поведения. Уральцы испытывали значительные адаптационные сложности, приспосабливаясь к социально-экономическим и политическим изменениям перестроечной эпохи. В социологических исследованиях того периода отмечено в качестве преобладающих черт ментальности демографического поведения уральского населения фобизность, анархизм, социальная пассивность¹⁶. Фобизность, трактуемая как генетический и исторический страх перед голодом и социально-политическими потрясениями, касается не столько прошлого, сколько той цикличности и периодичности катастрофических потрясений, которая наблюдалась в истории. Исторический опыт народа отмечает эту деталь и выражается в своеобразном хроническом «футурошоке», в подсознательном ожидании какой-то крупной беды и потрясений, к которым нужно готовиться «уже сейчас». Анархизм и антигосударственные настроения, по мнению ряда исследователей, «вшиты» в самую толщу ментальности обыденного поведения и имеют особые уральские корни. Но на наш взгляд, это не совсем так¹⁷.

Еще одна черта ментальности уральцев заключается в способности временно забывать пережитые катаклизмы и спокойно выполнять обязанности уже на следующий день. В постперестроечную эпоху обнаружилось такое качество населения, как привычка уклонения от всякой официальной ответственности и недоверие к властным структурам и руководителям. Эта своеобразная социальная пассивность на фоне обычного скрытого недовольства всем существующим стимулировала тоску по прошлому.

Вышеперечисленные черты уральского менталитета свидетельствуют о том, что за годы советской эпохи единый и гармоничный «уральский мир» был разрушен, а уральцы в конце 90-х годов XX века не осознавали факт его бывшего существования. Подобная рефлексия появилась спустя полтора десятилетия на волне возрождения регионального самосознания и самобытной уральской культуры.

Культурные универсалии регионального менталитета определили формирование своеобразной целостности — особого «уральского» характера. Среди его черт, кроме уже перечисленных, можно назвать: невозмутимое спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни; сдержанность, доходящая до суровости; выносливость; общинная взаимовыручка и взаимопомощь, «чувство локтя» и коллективизм; трудолюбие; религиозное «нестяжательство»; особая приверженность старине и традициям, консервативность взглядов; характерная сметливость, решительность, способность к самостоятельным решениям;

свободолюбие; радение за свое дело, готовность к трудовому подвигу; патриотизм, готовность служить Отечеству «верой и правдой», «не жалея живота своего»; осмысление благополучия своей судьбы только в контексте благополучия своей Родины и т. д.

Выявленные основные черты уральцев интегрировали национальное и территориальное (земляческое) самосознание, связывали людей общей исторической судьбой, территорией и проблемами выживания; обеспечением жизнедеятельности семьи и собственного существования. Урал стал пространством, где время преобразило этнические, религиозные и культурные константы, а сложившееся единое региональное сознание превратилось в консолидирующее начало жизни края, надежную основу взаимопонимания и равенства всех живущих здесь.

Примечания

- ¹ См.: Ермачкова Е. П. Сравнительный анализ образа сибиряка и уральца в зеркале прессы // Четвертые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщений. Екатеринбург, 2002. С. 54.
- ² Цит. по: Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал XVII–XX веков: Избр. тр. Екатеринбург, 2005. С. 77.
- ³ Цукерман В. С. Пути изучения места и роли региона в развитии культуры страны // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): Материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 100.
- ⁴ Цит. по: Гаврилов Д. В. Указ. соч. С. 77.
- ⁵ Там же. С. 41.
- ⁶ См.: Культурология. XX век: Слов. СПб., 1997. С. 271.
- ⁷ См.: Мурунова А. В. Социокультурные детерминанты русского менталитета: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2005.
- ⁸ Под «менталитетом» в современных исследованиях подразумевается фундаментальная устойчивая структура сознания, отличающаяся стабильностью и постоянством, в то время как ментальность характеризуется гибкостью, вариативностью психических процессов, состояний и форм духовной деятельности.
- ⁹ См.: Южалина Н. С. Региональный менталитет как культурологическая категория // Первый Российский культурологический конгресс: Тез. докл. СПб., 2006. С. 275.
- ¹⁰ См.: Социальное пространство России (круглый стол) // Социс. 1992. № 3. С. 49–62.
- ¹¹ Концепция Мировой Горы как центра мироздания была особенно широко распространена в иранской, алтайской мифологии, на Ближнем Востоке, в Восточной и Центральной Азии.

- ¹² См.: Трубина Е. Г. Размышление о регионе как воплощении советской цивилизации и культуры в контексте реформ // Регион: политика — культура — образование. Екатеринбург, 1994. С. 73–92.
- ¹³ Сняцкий А. А. Регион как социокультурное целое (к проблеме регионального наблюдателя) // Там же. С. 27.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (историко-социологический подход). Екатеринбург, 2000. С. 92–93.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Вопрос отношения уральцев к власти — один из самых противоречивых. В разные периоды уральской истории мы найдем как примеры почтительного отношения к ней (отношение к Александру I, когда восторг жителей при его посещении Златоустовского и Миасского заводов, согласно архивным документам, «превосходил всякое описание», или, например, «ельциновская» эпоха Новейшей истории), так и трагичные примеры непримиримого противостояния (события Октябрьской революции и Гражданской войны, расстрел царской семьи и др.).